

The background is a deep blue with a fine, repeating hexagonal pattern. A white line graph is overlaid, starting from the left edge, moving horizontally, then rising sharply to a peak, dipping, rising again to a higher peak, and finally extending towards the right edge. A large white circle is positioned in the upper left quadrant, partially overlapping the line graph.

Ольга Сорокина

Гейм Овер

Ольга Сорокина

Гейм Овер

«Издательские решения»

Сорокина О.

Гейм Овер / О. Сорокина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932721-5

Создатель онлайн-игры и дочь нефтяного магната. Два разных мира, две разных цели. Однако, им суждено встретиться, чтобы расстаться.

ISBN 978-5-44-932721-5

© Сорокина О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Гейм Овер

Ольга Сорокина

© Ольга Сорокина, 2018

ISBN 978-5-4493-2721-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Ослабив давление галстука, расстегивая три верхние пуговицы слишком удушающей рубашки, я уставился на себя в зеркало. Пронизанные красной паутиной глаза, хотелось прикрыть от бьющего яркого света, на лбу выступили небольшие капли пота, да и всё моё лицо оставляло желать лучшего. Пришлось умыться холодной водой, чтобы хоть каким-то образом походить на нормального человека, но это стало лишь мимолётным облегчением, так как голова разрывалась на части от почти невыносимой боли.

Да что это со мной? Неужели от четырёхчасового сна? Сколько себя помню, я мог вполне обходиться этим временем без каких-либо последствий. Или старею? В тридцать два ещё вроде рановато задумываться над этим. Необходимо подготовить речь. Что мне сказать? Надо сосредоточиться, сейчас нельзя поддаваться на провокации тела, не до этого. Я ждал этого момента слишком долго, чтобы вот так взять и отступить. Тело – это всего лишь компьютер. Завис, значит надо устранить причину, значит надо выпить таблетку, да.

– Артём?! – громко крикнул внезапно вбежавший Олег и боль только усилилась. – Там столько полуголых девочек, а ты в туалете виснешь, тебя все заждались.

– Да, сейчас.

Ещё раз, окинув себя пристальным взглядом, рука сама потянулась к галстуку, чтобы совсем его снять. Ненавижу эти поводки...

– Паршиво выглядишь, – довольно усмехнулся мой коллега, – опять не спал всю ночь, спасая Вавилон?

– А что мне оставалось делать накануне нашей первой годовщины? Создатель просто обязан присутствовать на таком знаменательном событии. У тебя ничего болеутоляющего нет случайно? – дотронувшись до висков, спросил я в надежде.

Ухмыльнувшись, Олег стал подталкивать меня к двери.

– Ты издеваешься? Там столы ломаются, а ты ещё спрашиваешь. Самое лучшее обезболивающее – виски с ромом. Только сначала виски, ром минут через десять и всё как рукой снимет, проверено. Пошли, – вытолкнул он меня за пределы отхожего места.

На меня сразу устремились десятки заинтересованных глаз, следившие за каждым моим движением. Среди них были и весьма симпатичные, но даже такое огромное количество красивых мордашек не могло спасти от головной боли. Чтоб её!

– О, Владлен Борисович – очень рад, уверен, вы не разочаруетесь, – выдавил я подобие улыбки и яростно затряс его руку, пытаюсь не выдать свою слабость. – Мари? Прекрасно выглядишь! Может, поужинаем как-нибудь? – шепнул я ей мимоходом и тут же услышал приглушённое «да», означающее всё что угодно, только не этот самый ужин. – Себастьян, – произнес я на английском, – как рад, что ты всё-таки прилетел, – увидел я в толпе одну из главных фигур этого вечера.

– Если бы не ваши ужасные морозы и этот невыносимый снег... как наши дела, Артемий? – своей обычной глумливой издёвкой произнёс мой напыщенный америкос.

Как же я ненавижу это лицо и чванство, спрятанное за маской лести. Если бы не те деньги, что он когда-то одолжил мне, я бы давно плюнул в него. Этот болван, не держал ничего тяжелее столларовой купюры, он даже не способен включить компьютер, не говоря уже о том, чтобы хоть что-то там сделать или создать. И ему ещё хватает наглости спрашивать, как НАШИ дела?

– Я давно уже хотел поговорить... о наших делах, – с ударным акцентом произнёс я последние слова, отвернувшись в сторону. – Напомни мне, друг мой, когда я отдал тебе весь свой долг?

Себастьян широко улыбнулся и поиграл содержимым в бокале, раскручивая его против часовой стрелки.

– Двадцать третьего июля.

– А какое число сегодня?

– Пятнадцатое декабря, – снова мерзко ухмыльнулся он.

Жестом руки я подозвал к себе официантку и взял с её подноса виски. Особо долго не раздумывая над шумом и тяжестью в голове, выпил всё залпом. Обжигающая жидкость быстро достигла своей цели, мгновенно опьяняя и бессовестно развязывая язык.

– И сколько ты получил сверх моего долга, начиная с двадцать третьего июля? – не унимался я, понимая, что вот-вот ляпну лишнего.

– Порядка, – задумался он, – пяти миллионов...

– Отлично, – резко перебил я его умственные подсчёты, – считаю, что этого вполне достаточно, за оказанную вами услугу, Себастьян. С этого момента, я полагаю, все наши дела, прекращены.

Тупая улыбка вдруг слезла с его противной физиономии, и мне показалось, что он возненавидел меня еще больше, чем две минуты назад.

– Не хорошо с твоей стороны... значит так, ты поступаешь со своими друзьями?

– С каких пор мы вдруг стали друзьями? – открыто фыркнул я, и чуть наклонившись к его уху, продолжил. – Во мне нет ни жалости, ни сентиментальности, ничего – чем меня можно было бы растрогать. Всё, что для меня имеет значение – это деньги, и я не готов ими делиться. Долг – погашен, проценты выплачены сполна, дальнейших договоров нет и не было, так что, я впервые вас вижу, друг мой, – мило улыбнулся я, вновь взяв с подноса бокал, только теперь уже с ромом.

Мы пожирали друг друга глазами, готовые в любую секунду сцепиться. Алкоголь сделал своё дело и теперь мне было глубоко наплевать, что подумает или сделает этот слюнтяй.

– Тём, извини, но все ждут, – донесся из-за спины голос подошедшего к нам Олега.

Не сказав больше ни слова, я двинулся в сторону конференц-зала, почти ни на кого не обращая своего внимания. Мысли судорожно крутились вокруг этого американского жлоба и выскочки, активно покушавшегося на мои деньги. Всё, что я ему обещал – это десять процентов, а сколько отдал в итоге? На десять лет вперед. Так что пусть молчит и даже не вякает...

Я шёл к микрофону. Каждый шаг отдавался стуком в висках, боль накатывала с новой силой. Алкоголь не принёс обещанного облегчения.

Заняв место у трибуны, я закрыл глаза буквально на считанные секунды и, распахнув их, широко улыбнулся всей собравшейся публике.

– Добрый вечер, друзья! – начал я, полностью взяв верх над собой. – Ни для кого не секрет, что сегодняшний день, чуть ли не самый главный в моей жизни, ну, за исключением дня моего рождения, конечно, – пошутил я, вызвав у всех смех. – Сегодня исполняется ровно один год, как в свет вышла самая популярная на сегодняшний день онлайн-игра – «Царство Вавилона¹». Добро пожаловать, дамы и господа, – широко улыбнулся я, распахнув руки навстречу аудитории.

Позади меня тут же открылась медиа-презентация с красочной заставкой игры. Зал затих. На экране проносились анимированные вставки, сюжеты обыденной жизни сменялись грохотом сражений, любовные интрижки свадебными кортежами. Презентация закончилась и в зале зажёгся свет. Волна оживления прокатилась по рядам.

– Не буду скромничать, – продолжил я, встав полубоком, – если скажу, что я первый человек, которому удалось объединить сразу порядка двадцати стран мира в одном месте. Обратите внимание, как активно люди общаются в чате, знакомятся, создают кланы, и могут найти себе друга или подругу по интересу абсолютно из разных стран, – указал я на быстро бегущие строчки онлайн чата. – Это целый мир, прототип нашей планеты, где люди рождаются,

---

¹ Все совпадения случайны

обретают профессии, влюбляются, воюют, отстаивают свои территории, представьте себе, даже отсиживают срок в тюрьме...

Картинки сменялись одна за другой, и, стараясь не смотреть в их сторону, чтобы не вызвать ещё большее головокружение, я инстинктивно подался вперед по подиуму.

– Новый мир... именно такой, каким хотите его видеть Вы. Мечты не просто сбываются... ваши возможности почти безграничны. Вы тот – кем всегда хотели быть, кем хотели родиться. И ваша жизнь принадлежит только вам... А теперь вопросы, господа, если таковые имеются, – изрёк я.

– Артём Владимирович, – послышалось из зала, и я кивнул. – Во всех известных рейтингах, ваша онлайн игра с бешеным отрывом занимает лидирующее место. Как вы добились этого? Какова ваша основная цель?

Не став долго размышлять над вопросом, я сказал то, что давно крутилось у меня в голове.

– Моя цель – убрать всех и стать монополистом, – снова мило улыбнувшись, произнёс я последние слова как бы в шутку. – На самом деле, буквально через пару месяцев на рынок выйдет так же целый ряд компьютерных игр, позволяющих играть тем, кто не особо любит зависать в интернете или же элементарно не имеет к нему доступа. Следом появятся серийные детские игрушки, одежда, комиксы, другими словами мы охватываем всё разнообразие игромании, от глянцевого календаря до онлайн игры мирового масштаба. А добиться можно всего – главное захотеть, – многозначительно добавил я.

– Но всё же, – не унимался неизвестный мне журналист, – что-то же вас отличает от остальных подобных игр, иначе вы не пришли бы к такому успеху.

– Вы правы. Суть в том, что в моём царстве нет никаких ограничений. Если вам не нравится какой-то человек или же целая страна, вы вполне можете объявить им войну, тем самым выплеснув свои амбиции и претензии, которые в реальной жизни вряд ли бы кто осмелился открыть. Я даю возможность каждому высказаться, отдохнуть от реальности, набраться смелости или храбрости, кому как больше нравится, найти друзей, другими словами – это успокоительная пилюля. Это вселяющая уверенность сила.

– Вы не боитесь, что вашу игру признают антисемитской? – допытывался всё тот же журналист.

– Бросьте! – откровенно фыркнул я. – Неужели лучше, если все эти люди и, правда, возьмут в руки вилы, топоры и пойдут вырезать неугодные им народы? Здесь всё виртуально. Это фантазии, тайные желания, если хотите. Выплеснув свои эмоции, они успокоятся и пойдут мирно поспать в свои постели. Это не так уж и плохо.

– Может, это и не плохо, – громко произнесла какая-то бабулька в чёрном, – но в мире и без того хватает озлобленных фанатиков разнообразных течений. К чему провокации?

Напористость горе писак стала открыто надоедать. Обсуждение пошло совсем не в мою пользу, пора завязывать с этим.

– Постараюсь объяснить более доходчиво, – стал я разжёвывать каждое слово. – Всё, что происходит внутри моего царства – это желания посещающих его людей. Никто, ни к чему и никого там не обязывает. Если бы кому-то не понравилось, не думаю, что я достиг бы таких результатов. Следовательно, всех всё устраивает, они довольны. Им нравится пребывать в состоянии войны, вражды, выяснения отношений. Кстати, многие наоборот впадают в любовь и даже находят себе там реальных партнёров. Если не верите, можете спросить у присутствующих здесь игроманов. Их здесь почти половина зала, – улыбнулся я. – Так что, пока есть спрос – будет и предложение.

– А как обстоит дело со смертью?

– Как и в любых других играх – персонаж бессмертен. Но... у нас есть одна отличительная особенность. Вы можете подать заявку о том, что ваша судьба вас не устраивает и вам организуют достойные похороны, виртуально конечно, – засмеялся я и многие из зала.

– Убийца! – пронизывающе звонко раздалось с последнего ряда. – Ты – убийца!

Сначала я опешил от столь непосредственного заявления, но уже через мгновение это стало даже забавным.

– Позвольте, сударыня, в чём дело? – спокойно уточнил я у растрёпанной тётки, непонятного телосложения и ещё более неопределённого возраста.

– Люди! – ненормально заорала она. – Не верьте ему, он – убийца, – стала она тыкать в меня пальцем, одновременно приближаясь к подиуму. – Мой сын умер из-за него. Это всё он виноват, он! Смерть моего сына теперь лежит на его плечах. Он виноват, он, – чуть ли не выла бешеная тётка, всё так же грозно указывая на меня своим крючковатым пальцем. Присутствующие фотографии сразу защёлкали, засуетились, выстраиваясь перед ней полукругом.

Её растрёпанные пепельные волосы залезли ей прямо в рот, затуманенные глаза выкатывались, а вся одежда, точнее лохмотья напоминающие одежду, делали её схожей с бабой-ягой.

Только этого мне ещё не хватало. Что за маскарад?

Охрана сразу же ухватила её под руки, но это, видимо, только раззадорило эту сумасшедшую. Она стала извиваться подобно змее, кусать руки моей охране и с пеной у рта продолжать кричать, что я убийца.

– Оставьте эту несчастную женщину, – подключился тот самый журналист. – С чего вы сделали такие выводы? Поясните нам.

– Уводите, – распорядился Олег, и охрана тут же потащила её к выходу.

– Ты заплатишь за это! Чудовище! Чтоб сгнить тебе – убийца!

Дверь резко захлопнулась и в зале воцарилась оглушительная тишина. Все перевели взгляд от двери на меня, журналисты уже яростно строчили, щёлкали диктофонами, фотоаппаратами.

– Как вы это прокомментируете, Артём Владимирович?

– Итак, – невозмутимо подхватил я, улыбнулся и, кажется, вовсе избавился от головной боли. – Предлагаю не заострять внимания на случившемся инциденте. Эта бедная женщина явно немного не в себе. Поэтому, на этом можно остановиться и начать, наконец, праздновать.

Упоминание о еде заставило всех мгновенно позабыть о только что орущей старушенции, и все наперебой потянулись к банкетному залу. Проводив всех скользящим взглядом, можно было подумать, что все эти людишки только и пришли, чтобы как набить свои животы. Стадо...

– Артём Владимирович, значит, в вашей игре можно умереть не только виртуально, но и реально? – издевательски ухмыльнулся журналист.

Спустившись вниз, я не спеша двинулся в сторону этого выскочки. Завтра от его имени, да и чахоточной газетёнки, которую он представляет, не останется и следа, это уж я обещаю. Мало того, что ко мне заявляются клиенты из шестой палаты, так мне ещё могут задавать, подобные вопросы?

Подойдя к нему вплотную, я презренно уставился на него, давя его своим взглядом.

– Сколько?

– Сколько?! – изображая из себя непонимающего дауна, переспросил он. – В каком смысле, сколько?

– Пятьдесят хватит?

– Не понимаю, вы что, собрались меня купить? – нагло ухмыльнулся он.

– Все журналисты продажны, так, сколько?

– Вы ошибаетесь...

– Сто? – перебил я его, удваивая цену.

– Вы сейчас неважно выглядите, Артём Владимирович. Глаза покраснели, да и что-то пот на лбу выступил, вот здесь прям, – по-хамски ткнул он в меня пальцем.

– Двести?

– О-о-о, может сразу миллиончик? Только я и миллион не возьму, – геройски выговорил он. – Мне плевать кто вы, чем занимаетесь и сколько у вас свободного бабла. Вы мне не нравитесь, и я напишу всё, что считаю нужным.

Уловив в его интонации самоуверенный тон, я почувствовал, что он действительно не боится меня и даже пытается взять верх над ситуацией, несмотря на то, что я сейчас дышал прямо на его макушку. Каким-то внутренним инстинктом я проникся к нему уважением и даже на удивление успокоился, но показывать этого совсем не собирался.

– Что ж, – без эмоций произнёс я, помахав рукой скромно улыбающейся в мою сторону Светочке, из дизайнерского отдела, – мне тоже плевать, что вы там накалякаете – это пойдёт мне только на пользу. Я всего лишь хотел поправить ваше материальное состояние, поскольку ваш костюм, – в ответ акцентировал я своё внимание именно на нём и дотронулся до пиджака, чтобы поправить завернувшийся воротник, – явно великоват для вас. – Ну, до встречи.

Не дождавшись ответа, я смог уловить то волнующее чувство превосходства, когда униженный замыкается в своём малюсеньком мирке и даже не пытается выползти наружу. Улыбнувшись, я повернулся к нему спиной и вышел вслед за всеми.

Все они одинаковы. Просто стадо баранов, готовых подчиняться кому угодно, и заискивающе блеять перед волком. Этим пресмыкающимся только в загоне и место. Выпусти их наружу и начнётся хаос. Должна быть чёткая иерархия, во главе с наисильнейшим лидером. Журналишечка спасует, он уже, чуть не сел в свою же лужу.

Вокруг царил суеда, отовсюду веяло дорогими ароматами духов, табачным дымом, алко-голем и... завистью. Все эти людишки, раболепно всматривались в мои глаза, якобы выказывая мне своё уважение, но за этим скрывалась банальная зависть. Девки, одна другой краше, сами вешались мне на шею, что-то нащёптывая. Но всё это стало слишком безразличным. Единственное, что заботило меня в данную минуту – это растрёпанная тётка, полностью испортившая весь вечер.

Я сам подошёл к Олегу.

– Откуда она взялась, ты можешь это объяснить? – раздражённо прыснул я в полголоса.

– Понятия не имею, Тём. Просто встала и...

– Просто встала? – совсем обозлившись, перебил я его слова. – Ты хочешь сказать, что эта бомжиха спокойно прошла через пропускную систему, никого не удивила своим внешним видом, спокойно себе устроилась в зале и потом просто встала высказать своё мнение? Ты это хочешь мне сейчас сказать?

Олег попытался дотронуться до меня, но я резко одёрнул его руку.

– Тём, успокойся. Она давно уже на улице. Охрана выяснила, что оказывается, она работала у нас уборщицей. Поэтому ей и удалось проникнуть сюда.

– Это ничего не меняет. Ты сам-то понимаешь, что наша репутация может запросто покачнуться? И что она там плела про смерть своего сына? Чтобы завтра же всё выяснил.

Олег лишь отчего-то довольно заулыбался.

– Её сын, Егор, порезал себе вены, месяц тому назад. Подробности произошедшего она и сама не знает, но утверждает, что именно игра заставила его покончить с собой. Якобы он сильно переживал из-за своего отсутствия в сети.

– Что за бред? – не понял я.

– Ну, свет у парня вырубили в доме, а там без него войнушка случилась. Горе, досада, пошатанные от недосыпа нервы и срыв..., – развёл руками мой исполнительный директор.

Сводя услышанное с концами, я немного стал приходить в себя. Значительная часть напряжения тут же спала, проясняя голову.

– Отлично! Значит, чтобы там не выдумал этот паршивый журналист, мы всё равно отмажемся. По сути, мы же не причём, если у кого-то едет крыша? Все претензии к мамаше. Да и её вид говорит сам за себя, ... а где Себастьян? – задал я вопрос сам себе, пытаюсь отыскать его в толпе.

– Ушёл, сразу же после вашего разговора.

– Неужели? – удивился я, соображая, что бы это могло значить.

– Можно, совет? Я бы на твоём месте с ним не ссорился, а заключил какой-нибудь контракт, процентов на пятнадцать. Мало ли что, такие люди всегда нужны. Да и мы не можем наверняка знать, что задумал этот тип...

Недоумевающе посмотрев на своего коллегу по цеху, я брезгливо скривился.

– Ты боишься? – догадался я. – Назови хоть одну причину, по которой я должен платить ему и дальше? За что? Я создал всё это, я! Я готовился к этому почти два года, не щадя ни себя, ни свою личную жизнь. Да я лучше тебе отдам эти пятнадцать процентов, нежели этому ублюдку в сиреновом пиджаке.

– Как знаешь, – задумчиво произнёс Олег, пристально разглядывая одинокую блондинку вблизи барной стойки. – Я ещё нужен? И, кстати, с тебя премия.

– Пока ты кланчишь у меня денег, блондинку обхаживает другой, поторопись, – издевательски ухмыльнулся я, подталкивая его рукой.

Олег пулей убежал, чуть ли не подпрыгивая, словно взбесившийся в брачный сезон олень. Мимо проходящая симпатичная официантка услужливо предложила мне полный поднос, и рука автоматически потянулась за выпивкой. Поднося бокал к губам, я почувствовал вновь нарастающую боль. Немного выпив, я стал вспоминать, когда вообще в последний раз у меня что-либо болело. Но на ум, кроме как отходных дней после хорошей пьянки, ничего не приходило. Похоже, просто надо выспаться или взять пару тройку выходных дней...

– Артём, – услышал я тонкий голос, где-то совсем рядом с ухом и тут же вздрогнул от неожиданности, ощутив чьё-то дыхание.

Передо мной стояла слегка взволнованная Машка.

– Я... у тебя всё в порядке? – нерешительно спросила она, испуганно всматриваясь в мои глаза.

Внимательно посмотрев на неё, я только сейчас понял, что не безразличен этой девушке. Всё то время, что я знаю её, она всегда находилась неподалёку. Если я приходил на вечеринку с другой, она терпеливо держалась по близости, но никогда не подходила сама, проявляя хладнокровную тактичность. Если же я появлялся один, то неизменно мог рассчитывать на неё, так как она не пропускала ни одного мероприятия с моим участием.

– Конечно, разве можно быть не в порядке, рядом с такой красавицей, – рассыпался я в комплименте.

Но на этот раз, это не было самообманом или лестью, Мари действительно модельной внешности девушка, мгновенно вызывающая соответствующие желания. Высокая, стройная брюнетка со слегка неровным носом, делающим её абсолютно не похожей на всех остальных, но... насколько же она тиха и ведома. Такая же загнанная овечка, не умеющая ни отстаивать свои интересы, ни высказать личного мнения. Подобного рода люди у меня вызывают либо презрение, либо глубокую жалость, как сейчас. Ведь если я скажу ещё хоть слово, она безропотно отправится в мою постель с мазохистским спокойствием...

– Я наблюдаю за тобой последнее время и... прости, – потупила она глазки, стыдливо опустив их.

– Продолжай, – разрешил я, поднося бокал, снова ощущая режущую боль.

– Ты уже больше недели абсолютно один и..., – опять скромно покраснела она, напоминая провинившуюся школьницу.

– И ты решила, что должна мне помочь справиться с одиночеством, так? – договорил я за неё, усмехнувшись её тайным умыслам, а сам попробовал сделать очередное движение рукой, по направлению к голове и понял, что каждый мой жест отдаёт ужасной болью.

– Мужчина вроде тебя, не должен долго находиться в напряжённом состоянии...

– Боже, Мари, ты серьёзно сейчас? – почти не веря своим ушам, спросил я, ставя фужер обратно на поднос. – Если ты не перестанешь, я подумаю, что тебя наняли мои ненавистники, чтобы следить за моей половой активностью... По-моему тебе пора замуж, могу помочь, если хочешь. У меня на примете есть парочка хороших кандидатур для тебя.

– Мне никто не нужен, – чётко выговорила она с застывшими слезами.

– А что тебе нужно? – резко спросил я. – Или ты и дальше будешь продолжать следить за тем, сколько раз в неделю я трахаюсь и с кем? Неужели ты не видишь, что я использовал тебя, как запасной вариант? Или ты решила, что закрывая глаза на мою свободолобивую жизнь, сможешь женить меня на себе? Да позволь мне завести хоть целый гарем или роди с десятков детей, я всё равно не женюсь, понимаешь? Мне не нужна семья, дети и всё, что с этим связано. Я другой и мне плевать на всех.

Из её глаз тут же брызнули слёзы, а моя жалость круто переросла в пренебрежение.

– Зачем ты так..., – шёпотом произнесла она. – Я верю, что ты не такой...

Полностью потеряв какой бы то ни было интерес к этой девушке, я решил поставить окончательную точку в наших «отношениях».

– Ты унижаешься сама перед собой, прежде всего. Выбери другой объект для слежки, я больше не нуждаюсь в няньке.

По полупьяным крикам, не останавливающемуся хохоту и быстроте бегающих, с полными подносами, официанток, я понял, что вечер для большинства удался, и моё присутствие или отсутствие уже почти никто не заметит. Остаться здесь дальше было бессмысленно. Из-за головной боли я не мог толком ни выпить, ни повеселиться, да и подобное желание напрочь исчезло. Хотелось, наконец-то, уснуть и забыться долгожданным сном.

Уже выйдя на улицу, я постучался в окно своей машины. Мой водитель, проснувшись, вздрогнул, явно не ожидая увидеть своего начальника и заёрзав на сиденье, не сразу сообразил, что мне надо открыть дверь.

– Извините, Артём Владимирович, я думал вы здесь как минимум часов до трёх-четырёх, – стал он оправдываться. – Куда?

– Домой, спать.

Николай украдкой посмотрел в зеркало заднего вида, и это не ускользнуло от моих глаз. Он бесспорно удивился. По всей видимости, мне следует удивиться не меньше его...

Глава 2

Вот я снова стою посередине развилки. Впереди нет ни одной живой души, и только редкие клубы перекасти-поля бегут кто куда, особо не разбирая маршрута своего пути. Вокруг нет даже ни одного деревца, как будто всё вымерло, и осталась лишь одна я. Посмотрев на дорогу, я задумалась над тем, куда же мне отправиться сейчас. Прямо как в сказке, три направления и трафарет, указывающий на них. Я подхожу ближе к нему, пытаюсь протереть застывшую пыль, чтобы разобрать надписи, но вижу едва заметные очертания непонятных силуэтов.

В замешательстве, я понимаю, что совсем одна и мне не у кого просить помощи. Стало очень страшно. Но тут появилось какое-то сияние впереди, словно кто-то издалека пытается посвятить мне фонариком, давая сигналы. Через некоторое время, это и, правда, уже напоминало сигнальный призыв. Ноги тут же понесли меня навстречу этому непонятному пока ещё знаку. Казалось, что я иду уже целую вечность, всё выше и выше в гору и вот, похоже, этот загадочный свет совсем рядом. Я наконец-то поднимаюсь на самую вершину, и меня просто ослепляет от ярко бьющего белого цвета. Я оборачиваюсь назад и неожиданно для себя самой вижу стену, полностью завешанную моими фотографиями. Внимательно обращая внимание на каждую из них, я вдруг нашла маленькую девочку, в точности напоминающую меня в детстве. Она приветливо улыбалась мне и кажется, помахала рукой. Не веря своим глазам, я быстро закрыла их и открыла обратно, но всё кругом стало белым и тёплым. Ко мне тут же пришло осознание, что я... дома. Откуда-то издалека послышалась знаменитая лунная соната Бетховена и чёткое ощущение, как будто что-то ужасное держит меня мёртвой хваткой.

Открыв в испуге глаза, я поняла, что мне только что снился сон, а надо мной стоит страшная тёмная фигура и вправду вцепившаяся в мои плечи. От леденящего страха, тело полностью покрылось лёгкой испариной и застыло в оцепенении.

– Да, проснись же ты, наконец! – проревел совсем осипший голос Оскара, от которого мне немного полегчало, но тут же захотелось спрятаться обратно под одеяло, так как вспыхнувший яркий свет не только ослеплял, но и показывал уродливое лицо этого мерзкого создания. – Вставай! – командным тоном снова выкрикнул он, резко сдёрнув с меня тёплое одеяло. – И выключи эту дрянь! – тыча крючковатым пальцем в мой мобильник, изрёк он.

Приподнявшись на локтях, я проследила, как Оскар проковылял и, наконец, вышел из моей комнаты, растворившись в непроглядной темноте. Тут же вскочив с кровати, я побежала к двери, чтобы закрыться. И почему я забыла вчера запереть её как всегда? Теперь придётся приходить в себя целых полчаса, если не час.

Соната уже дошла до самого моего любимого момента и мне было наплевать, что кричал здесь этот коротышка, я врубила громкость на всю мощность, чтобы насладиться незыблемой музыкой. В конце концов, не обязательно спать почти под моей дверью, если ты так ненавидишь меня, мои интересы, да и вообще всех на свете.

Пытаясь выбросить из головы недавний образ, так испугавший меня, я всё же выключила будильник и задумалась над приснившимся сном. Мне крайне редко удаётся увидеть, а тем более запомнить что-то из своих снов. А здесь я чётко помнила все подробности и даже до сих пор ощущаю то смутение внутри и страх безудержного одиночества. Но в конечном итоге я нашла то, к чему стремилась. Только что это было? Тот самый белый свет, от которого веяло невероятным теплом и всеобъемлющей заботой? Мне действительно показалось, что я была... дома.

С грустью обведя глазами внутреннее пространство своей комнаты, я не могла сказать то же самое о ней, не смотря на то, что обставляла я её по собственному усмотрению и попыталась хоть как-то создать себе уют. Всё, что находится здесь, настолько чужое и далёкое от того

прекрасного ощущения, что хочется разрыдаться от безысходности. Я просто вынуждена терпеть всё это, только потому, что родилась не в то время и не в том месте.

Скинув с себя остатки сна, я влезла в свои любимые тёмно-синие джинсы и чёрный облегающий свитер, заплела себе обычную косу и, закинув в сумочку пару самых наитупейших учебников на свете, стала спускаться вниз. На кухне уже царилла какая-то непонятная суматоха, и я услышала пронзительный вскрик Марии Владимировны, нашей кухарки.

– Господи, Оскар Аскольдович, прошу вас, не пугайте меня больше подобным образом, – с явным испугом в голосе, умоляла она.

– Дорогая, Мария Владимировна, но что же может быть приятней, чем такая хорошая утренняя шуточка, – оживлённо воскликнул наш великий шутник. – Вы продолжайте, продолжайте, печь свои блинчики. Они у вас, сказать по правде, отменные.

Выглянув из-за двери, я видела, как этот скоморох вылезает и залазит обратно в кухонный шкаф, мешая тем самым кухарке делать свои дела и периодически пугая её своим внезапным появлением.

В этот момент я всё-таки решилась перешагнуть порог этой несчастной богадельни и, не обращая никакого внимания на Оскара, поприветствовала кухарку:

– Доброе утро, Мария Владимировна.

– Доброе, Алёночка, – как всегда мягко и добросердечно ответила она, ставя на стол огромную тарелку свежее испечённых блинчиков.

Инстинктивно вдохнув ароматные запахи, я тут же почувствовала голод. Но прежде чем накинуться на них, я решила навести себе сладкого чаю.

– Алёна, садитесь, я всё подам. Кушайте, не хватало ещё вам опоздать на занятия.

– Спасибо, за заботу, но пока у меня есть руки и ноги я вполне могу и сама себя обслуживать, – бескомпромиссным тоном заявила я, но тут же поняла, что слишком грубо ответила и чтобы исправить ситуацию, участливо улыбнулась и принялась заваривать чай, на нас обеих. – А вам зелёный, как обычно?

– Мне тоже зелёного, – прохрипел наш уродец, вылезая из полки.

Его внешний вид, как всегда был не просто отталкивающим, а на редкость отвратительным. Дело в том, что Оскар – карлик, но это не причина его гадкости. И даже его нелепая и совершенно затёртая до дыр одежда, далеко не повод, чтобы отвернуться от него. Его хитрые абсолютно чёрные глаза всегда смотрят исподлобья. Кожа лица, рук, да и скорее всего остального тела, всегда какого-то нездорового оттенка с примесью желтизны. Но что особенно убивало в нём всё человеческое – это его отвратительная улыбка, не имеющая ничего общего с испытываемой радостью, а лишь обличающая на всеобщее обозрение его жёлтые давно сгнившие зубы.

Попытавшись завести свои мысли в другое более приятное русло, я проигнорировала его комментарий по поводу чая, и поставила на стол только две кружки, демонстративно усевшись к нему спиной, чтобы не портить разыгравшийся аппетит.

– Ой, – разволновалась вдруг Мария Владимировна, взглянув на часы, – Сергей Борисович должен скоро спуститься, я уж потом, когда вы все разъедитесь.

– Да, лучше не расстраивайте нашего босса с утра по раньше, он не любит находиться за одним столом с прислугой, – зло усмехаясь, чётко выговорил Оскар, пытаясь вскарабкаться на стул напротив меня и когда ему удалось это сделать, он не замедлил схватить наведённый для Марии Владимировны чай.

– Вот именно, – спокойно изрекла я, – тебя, по-моему, это тоже касается.

– Я не прислуга! – с дьявольским оскалом воскликнул он. – Я – успокоение души отца твоего. Я – бальзам, умиротворяющий любого несносного чертёнка. Я – пророк и мессия этого брэнного мира. Все вы, эти мелкие суетливые людишки, даже не можете вообразить, на что я способен, – воодушевлённо вошёл он в свою роль.

Покосившись на этого наглеца, я мысленно содрогнулась. Как в одном, даже страшно сказать слово – человеке, вмещаются все, какие только возможно, безнравственные пороки человечества? Ведь вся эта вежливость и учтивость, на самом деле только фальшивая маска, прикрывающая его настоящее естество. Более омерзительного существа мне не доводилось ранее видеть никогда. Мой отец видимо и, правда, сошёл с ума, взяв его в наш дом год назад.

– Шут ты, гороховый, вот ты кто! – не выдержала я, протянув руку к тарелке с блинами.

– Ша! – рявкнул он и молниеносно бросившись прямо на стол, выхватил из моих рук полную тарелку. – С утра слишком вредно питаться столь жирной пищей. В противном случае, сударыня, раздобреете и не пролезете ни в один из этих великолепных зодчих дел косяков.

И не успел он договорить свою речь, как его грязные руки с прилегающими тут же кривыми обрубками ногтей вонзились в некогда аппетитные блинчики. Один за другим он отправлял их в своё ненасытное жерло, громко причмокивая при этом, попутно облизывая весь тот ужас, что покоился под его ногтями.

– Это восхитительно, Мария Владимировна! Премного вам благодарен, сударыня, за ваши труды. Святая вы душа, милочка, – саркастически проговорил карлик, опуская всю свою голову прямо в тарелку, отчего его длинные космы жирных волос изрядно поёрзали по несчастным блинам.

Мария Владимировна увидев весь этот спектакль, как и я, принялась печь новую порцию, и через минуту передо мной уже лежало целых два новеньких блинчика, но аппетит исчез так же быстро, как и появился. Попытавшись переключить своё боковое зрение и сконцентрировать его только на чае, я уставилась в одну точку, наблюдая, как некогда маленькие чайники превращаются в большие листья. Но доносившееся чавканье вперемешку с мерзким причмокиванием, окончательно вывело меня из себя и, встав из-за стола, я направилась к выходу.

– Ты уже позавтракала? – услышала я над своим ухом голос отца, поравнявшись с ним в дверном проёме. – Привет, милая.

– Ну, если ты не желаешь, есть за одним столом с прислугой, не смотря на то, что они такие же люди, тогда я тоже имею полное право не разделять свой стол со свиньёй.

И не став выслушивать ни его комментариев, ни мерзких смешков насытившегося карлика, я, быстро одевшись, выскочила на улицу, чтобы хоть немного перевести дух. Мороз тут же сковал все голые участки кожи, но, не обращая на это внимания, я не спеша двинулась в сторону поджидающей меня машины, вдыхая всю свежесть морозного утра. Взглянув вверх на небо, я увидела чистый небосвод, всё ещё засыпанным звёздами. И немного смягчившись от увиденного, я постояла ещё пару минут и открыла дверцу автомобиля.

– Доброе утро, Михаил Петрович, – поздоровалась я первой со своим водителем.

– Да, здравствуйте, Алёна Сергеевна, – как всегда с особой учтивостью произнёс он, не смотря на все мои уговоры перестать называть меня по имени отчеству.

– У нас в запасе целых двадцать минут, – мельком бросила я взгляд на часы, обрадовавшись, – завезите меня сначала в какое-нибудь кафе, перекусить. Иначе, я скоро начну падать в обмороки из-за некоторых недочеловеков...

– Даже не знаю, успеем ли, Сергею Борисовичу сегодня надо попасть к девяти в офис, боюсь, как бы вы всю первую пару-то не пропустили, там всё стоит.

Я удивлённо вскинула брови, и мне даже показалось, что они почти выпрыгнули с лица.

– Он что, едет с нами?

– Да, с вами, – тут же появился он в дверях и, усевшись рядом со мной, отдал распоряжение ехать к его офису. – А ты против того, чтобы прокатиться со своим отцом?

Ничего ему не ответив, я лишь отвернулась и уставилась на пролетавшие мимо машины. Настроение было на нуле. Оставалось только молчать и удивляться. За моей спиной происходит масса событий.

– Мне необходимо поговорить с тобой.

– Только убери свой командный тон, я не прислуга и не твоя подчинённая, хотя и с ними нельзя разговаривать подобным образом, – съязвила я, сама того не желая, всё так же продолжая смотреть в окно.

– Это уже профессиональное, – усмехнулся он, видимо радуясь своим навыкам руководящего обращения. – У моей любимой дочурки, ведь скоро день рождения. И я подумал, – изображая из себя любвеобильного отца, произнёс он, – что надо будет отметить его в новом торгово-развлекательном центре, ну, знаешь тот, что только открыли в центре? Отличный повод засветиться и представить себя в лучшем товарном виде. Я даже подобрал тебе платье, с огромным шлейфом, полностью исшитым драгоценными камнями. Оно великолепно! – воодушевлённо рассказывал он, выводя меня из скрытого бешенства в открытую форму ярости. – Кстати, там настолько обнажённая спина, что бюстгальтер абсолютно не потребуется, да в принципе он и так не нужен, у тебя с этим всё в порядке...

– Неужели? – наиграно удивилась я, поворачиваясь к нему лицом и смотря ему прямо в глаза. – Значит, ты даже нижнее бельё выбрал для меня?

– Нет, милая, – сделал он подобие смущения, видно опомнившись, – это, конечно, сделаешь ты сама. Тебе лучше знать, что нужно в таких делах.

Я снова отвернулась, чуть не плача от жалости к самой себе. Оказывается, за меня уже всё решили и даже выбрали мне соответствующее платье, а я-то дура, было подумала, что это мой день рождения. И как назло, в этот самый момент, мы ещё и встали в пробку...

Продолжая смотреть в окно, я почувствовала, как отец взял мою руку и чуть сжал её в своих руках.

– Я долго думал, в поисках нужного подарка для тебя, и даже придумал пару тройку вариантов, но всё же спрошу, что хотела бы на этот раз – ты?

На секунду мне показалось, что я явно ослышалась или что заговорил некто другой, но точно не мой отец. От удивления я перестала разглядывать машины и повернулась к нему лицом, чтобы заглянуть в глаза и убедиться наверняка.

– Повтори, пожалуйста, ещё раз, я, кажется, не расслышала.

Широко улыбнувшись и бесспорно возгордившись собой, мой отец засиял, словно маленький ребёнок.

– Что бы ты хотела получить в качестве подарка на свой день рождения?

– Ты хочешь услышать честный ответ или мне ответить по уставу? – хладнокровно спросила я, встретившись взглядом с водителем через зеркало заднего вида.

– Перестань уже паясничать, – слегка возмутился он. – Конечно, я хочу услышать твои настоящие пожелания.

– Ну, хорошо, – не заставила я его ждать. – Ты сам напросился, если что. Так вот, – обратила я всё его внимание к себе, – я хочу или лучше не так... я просто требую, чтобы ты, наконец, отстал от меня и больше никогда не трогал. Мне надоело быть куклой в твоих руках, меня достало каждый день изображать из себя счастливую и довольную дочь нефтяного магната, мне осточертело наблюдать кругом одно лицемерие и бесконечную зависть. Но что я ненавижу больше всего, так это – твои деньги! Всё, что прошу – оставь меня в покое..., – уже теряя силы, выговорила я, в надежде, что хоть немного достучалась до него.

Он медленно отпустил мою руку и, отвернувшись от меня, что-то пробормотал.

– Алёна, я абсолютно не понимаю тебя, – кажется, впервые за всю жизнь искренне ответил он. – У тебя есть абсолютно всё. Ты можешь купить, всё, что пожелаешь, уехать куда заблагорассудится. Тебя знает, чуть ли не вся страна и всё, чем я сейчас занимаюсь в итоге, достанется именно тебе...

– Ты снова говоришь только о деньгах, провались они пропадом! – почти выкрикнула я, теряя последние остатки самообладания. – Всё, что мне когда-либо бы было нужно от тебя, так это твоя отцовская любовь и поддержка, а не твои деньги. Но сейчас, мне не нужно даже

этого, потому что я, представь себе, выросла! Я взрослый человек и хочу жить так, как хочу этого именно я, а не ты.

– Ты ещё ребёнок и сама не понимаешь, что говоришь...

– Прекрати! – резко перебила я. – Это ты ребёнок, если даже не хочешь понять элементарных вещей. Ты думаешь только о себе и своём имидже, абсолютно не заботясь о моих желаниях и тем более моей свободе действий. Ты – эгоист!

– Не правда! – остро отреагировал отец, тоже повысив голос. – После смерти твоей матери, я пообещал сам себе, что я сделаю всё, чтобы ты была счастливой и ни в чём не нуждалась.

Почувствовав резкую боль в височной части, я поняла, что всё бесполезно и мой отец никогда больше не сможет понять меня, никогда...

– Ты даже не называешь её по имени, – шёпотом произнесла я, рисуя в воображении уже плохо узнаваемый образ своей мамы. – Михаил Петрович, – громче обратилась я к водителю, – откройте двери.

– Нет! Михаил, я запрещаю вам это делать, мы едем дальше, – железным тономскомандовал отец.

– Михаил Петрович, пожалуйста, откройте. Я не могу больше находиться здесь, – и, встретившись с ним в очередной раз взглядом в зеркале, я вложила туда столько надежды, что оставалось только заплакать.

– Я сказал – нет! – прикрикнул он на меня, пытаясь раздавить своим надменным взглядом. – Если вы откроете ей, я вас тут же уволю.

– Только попробуй! – стала и я угрожать подобно ему. – Это мой водитель, и ни с каким другим, я больше никогда в машину не сяду, понятно тебе?

Опять посмотрев в растерявшиеся глаза Михаила, я видела его замешательство, но тут же услышала характерный щелчок открытия всех дверей и быстро среагировав, вылетела на улицу.

– Алёна! – раздалось за моей спиной. – Вернись обратно!

Сделав вид, что этот человек мне совершенно не знаком, я отчего-то улыбнулась сама себе и, проходя через лабиринт стоящих в пробке машин, уже ничего не боясь, двигалась вперёд. Повалившие пушистые снежинки приятно таяли на моём лице, придавая бодрости, а может даже гордости, что я, наконец, решилась дать ему отпор.

Обернувшись, я увидела, как он сел обратно в машину и даже не попытался остановить меня. Вот и вся любовь. Ну, а что я хотела, чтобы он погнался за мной и стал умолять остаться, просить прощения и другие подобные сентиментальности? Он не способен на это, да и к тому же постоянно боится, что его кто-нибудь пристрелит ненароком. Трус...

Обойдя ещё несколько машин, я вышла на тротуар и пошла не торопясь, особо не задумываясь над маршрутом. Одно я знала точно, в институте сегодня мне делать нечего. Если быть откровенной до конца, мне никогда нечего там делать, потому что отличный балл поставят и так, за то, что я дочь самого богатого нефтяника в стране. Им безразличны мои знания, моя внешность, мои интересы... им нужны только деньги моего отца и получив их, я автоматически становлюсь умницей, красавицей и разносторонней девушкой. Как противно, у меня нет больше никаких сил, терпеть всё это...

Улыбка сменилась унылым отчаянием и по моим щекам потекли обжигающие слёзы.

Господи, почему я родилась именно в этой семье? Я уже столько раз задавала тебе этот вопрос, а ты всё молчишь. Почему? Почему я? Зачем это нужно? Я же чувствую, что чужая в этом мире. Всё, что окружает меня – не моё. Я ничего не узнаю и совершенно растеряна. Мне не нужны эти огромные деньги, я не хочу славы и признания, я вообще уже ничего не хочу, ... живу по инерции, так как некуда деваться. Но ведь должен же быть в этом какой-то смысл? Родилась же я зачем-то именно здесь и сейчас...

Мысли лихорадочно сбивались с толку; то я думала о недавнем разговоре с отцом, то пыталась вспомнить свою маму, то размышляла на тему глобального... Понимая, что должна хоть что-то сделать, чтобы изменить свою жизнь, я стала искать выход.

На секунду представив себя в собственный день рождения в платье, стоимостью не меньше полумиллиона, в огромном здании, наполненном незнакомыми и малозначащими людьми, пытающимися снискать моё одобрение, я вздрогнула. Но ведь именно так и будет, если я не найду какое-то решение. Он будет требовать от меня, чтобы я улыбалась на камеру, была в центре всеобщего внимания, говорила, как я люблю отца и его процветающий бизнес, как стану через каких-то полгода дипломированным юристом, а ещё через годик другой займу определённое место в политике. Конечно, я могла бы напиться в доску, станцевать стриптиз на пару с каким-нибудь депутатом, грязно выругаться матом на очередного фотографирующего меня журналиста; может, даже пошвыряться закуской в разного рода дам и их кавалеров и попытаться влиться в оркестр, чтобы сыграть с ними на скрипке; и ещё, спеть дуэтом в караоке с каким-нибудь официантом...

Идея неплохая, но всё же глупая. Я уже давно не ребёнок и должна действовать по-взрослому. Надо что-нибудь придумать, у меня слишком мало времени...

Остановившись, я засмотрелась на идущую впереди девушку, которая держала на коротком поводке свою собаку. Проходя мимо витрины, она остановилась разглядеть рекламируемый товар. И вот, она уже привязывает своего питомца к перилам этого же магазина и заходит внутрь. Собака, словно этого и ожидая, начинает грызть свой поводок, пытаясь освободиться, но размеры животного не позволяли так просто перегрызть кожаный ремень.

Я продолжала просто стоять и смотреть на эту картину, а пёс, начал поскуливать и явно впадать в отчаянье. Но ещё через мгновение, он стал пробовать дергать головой, чтобы высунуть её через ошейник. Со стороны это выглядело не более чем жалкой и не осуществимой попыткой к бегству, но когда смышлённое животное принялось помогать себе лапами, просто выворачиваясь наизнанку, собака вдруг оказалась на свободе и громко тьякнув, рванула в мою сторону. Она, ликуя, неслась ко мне и показалось, сейчас сшибёт меня с ног. Но она лишь пронеслась мимо меня, завернув куда-то за угол дома.

Она просто... сбежала. Несмотря на все трудности и, казалось бы, непреодолимые преграды, просто сбежала. Это маленькое открытие заставило меня улыбнуться и вновь поверить в свои силы. Так неужели я глупее этой собачки и не смогу сбежать, так же, как и она?

Глава 3

Весь следующий день я отсыпался, даже не слыша ни шестнадцать пропущенных вызовов, ни звонков в дверь, ничего, что могло бы разбудить. Проснувшись в шесть утра, я почувствовал жуткий голод. Но открыв свой холодильник, понял, что съесть ничего кроме одного единственного яйца, бутылки кетчупа, баночки горчицы и банки пива, ничего не смогу. Резко захлопнув его обратно, захотелось выругаться.

Кому скажи не поверят, что имея миллионы на счёту, у меня абсолютно девственный холодильник и нет даже куска хлеба в доме. Давно пора завести какую-нибудь повариху, да и уборка моей берлоге не помешает. Сколько здесь уже перебивало женщин, и хоть бы одна сделала подобие уборки... циничные стервы!

Вдобавок к голодному утру, мой лоб встретился с открытой дверцей кухонной полки, но это оказалось не самым обидным. Хуже всего, что у меня нет даже кофе и набитая шишка заработана зря. В очередной раз, громко выругавшись, я, накинув куртку, вышел из дома, потому как делать здесь больше нечего.

На улице была ещё глубокая ночь. Снег валил так, что дальше двадцати метров вряд ли что можно было бы увидеть. Сев в машину, я врубил на всю мощность музыку, и не обращая внимания на погоду, тут же сорвался с места.

И когда же закончиться эта зима? Встаёшь – темно, приезжаешь домой – темно. Вечная слякоть, сугробы, гололёд, как же всё надоело. Может, это и есть депрессия, про которую так любят болтать психологи и прочие разводилы на деньги? Даже бедняжка Мари заметила, что я напрягся, глупышка. Надо и, правда, пристроить её куда-нибудь. Подарок на новый год, так сказать сделать.

Нет, я действительно устал. Никогда такого не было, чтобы я проспал целые сутки напролёт. Ещё эта тётка бешеная, Себастьян со своими загребушими лапами, жалкий журналист, возомнивший себя супер героем. Да и сам вечер прошёл в общем, совсем не так, как того хотел я. Охамевшая охрана даже не пыталась отработать свои деньги нормально, пуская всякую гольтьбу внутрь. Пусть она работала уборщицей, но это не повод пропускать её на конференцию в качестве гостьи. Надо провести сегодня чистку. Всех уволю к чёртовой матери, чтобы другие боялись. И найму, наконец, себе домработницу...

– Идиот! – заорал я, как ненормальный, резко вдавливая педаль тормоза.

Но обледеневший асфальт не поддавался, и круто вывернув руль, я попытался объехать внезапно появившегося на дороге человека. Задев его руку боковым зеркалом, я давил на тормоз изо всех сил и, в конце концов, остановился. Лёгкий шок сменился гневом и, выйдя из машины, я был уверен, что если этот дурак ещё жив, то я сам непременно прибью его чем-нибудь.

Подбежав к оцепеневшему телу, я уже наверняка убедился – это мужчина. Он лежал совершенно неподвижно, хотя я готов поклясться, что едва лишь задел его руку.

– Мужчина, вы слышите меня? – отчего-то струхнул я не на шутку, предполагая исход ситуации. – Мужчина! – сказал я ещё громче и, дотронувшись до плеча, перевернул его на спину.

Этот тип сразу же открыл глаза, и по их выражению не сложно было догадаться, что он либо в доску пьян, либо напроць обдолбанный наркоман. Страх сразу улетучился и я вновь почувствовал отвращение ко всему миру и тем более к этому недоноску.

– Ты понимаешь, что я чуть не сбил тебя, идиот? – выругался я, теряя самообладание. – Встать, можешь?

Он ничего не отвечал, а лишь смотрел на меня взглядом, от которого мне впервые в жизни стало не по себе. Это был мужчина под пятьдесят, если не больше, с ненормально горящими глазами.

– Вас отвезти в больницу? – задал я вопрос, оглядываясь по сторонам, только сейчас сообразив, что мы стоим посередине проезжей части дороги, и в любую секунду нас может сбить.

Продолжая молчать, мужик медленно поднялся на ноги и, повернувшись ко мне спиной, пошёл прочь. Не понимая, что делать в такой ситуации, я всё-таки решил остановить его и до конца понять, всё ли с ним в порядке.

– Подождите! – выкрикнул я в темноту, сойдя с проезжей части на обочину. – Давайте я подвезу вас. Куда вам надо?

Повернувшись ко мне лицом, я снова увидел эти глаза не совсем нормального человека. Они буравили меня так, словно пытались пролезть внутрь моего тела, что-то пристально рассматривая там. Я мысленно съёжился и не став больше пытаться судьбу, развернулся, чтобы уйти.

– Бойся своих страхов! – раздалось позади меня хриплым басом. – На тебя уже легла печать скорби. И помни, – эхом раздался страшный голос, заставивший меня замереть на месте, – боль спасёт тебя, если ты поймёшь её суть.

– Кто вы? – вырвалось у меня.

Но обернувшись, я никого не увидел. Мужика словно и не было; никаких следов, теней, вообще ничего, впереди распростёрлось лишь заснеженное поле. Снег уже перестал идти и я чётко видел, что здесь – никого. Послышались звуки приближающихся машин и яркие фонари стали ослеплять мне глаза.

Ничего не понимая, я на автопилоте пошёл к машине.

Через пару минут взял себя в руки, а всё произошедшее списал на усталость. Сколько же можно, в конце концов, не спать, постоянно переживать и дергаться по каждому вопросу? Всё, пора отдыхать. Иначе придётся записаться к психологам и пить какие-нибудь антидепрессанты. Если до этого момента я ещё сомневался в своих догадках, то теперь не оставалось и тени сомнения.

И окончательно успокоившись, я отправился в офис. Зазвенел мобильник.

– Да, – отрывисто ответил я, вырываясь.

– Артём Владимирович, здравствуйте, – услышал я голос своего водителя. – Вы сегодня сами за руль?

– Да. Я позвоню, когда вы мне понадобится, – и, отключившись, сразу переключился на звонившего Олега. – Да, говори.

– Привет. Где ты был? Я сутки уже звоню тебе. Ты видел заголовки газет?

– Что, неужели ваш журналюга осмелился замахнуться? – проигнорировал я первый вопрос Олега, переходя сразу к делу.

– Более того, он повтыкал туда интервью с друзьями умершего Егора, где те подробно рассказывали, как он обожал игру и не мог прожить без той и дня. Но это цветочки. Кроме Егора, он откапал ещё какого-то Пашу, который будучи очень занят во время игры, никак не реагировал на уговоры матери, выключить компьютер. В итоге, он уколошил свою мать и, спрятав её в шкаф, продолжал играть практически круглые сутки двенадцать дней подряд, пока не стало вонять так, что он был вынужден выйти из комнаты. Дело дрянь!

– Да, перестань! Скоро буду в офисе и обсудим.

Бросив в ярости мобильник, я втопил на газ.

Вот, урод! Хочешь поиграть со мной? Давай поиграем, и я покажу тебе, кто здесь выше. Это даже хорошо, что ты нашёл именно подобные случаи. И тот и другой были просто психами, всё вопросы сразу отпадают сами собой. Лучше бы взял денег дурак и сидел бы себе где-нибудь на Мальдивах, покурявая травку.

Быстро добравшись до работы, я не смог толком найти парковочное место, так как некуда было даже плюнуть, не то, что пристроить несколько тонный автомобиль. Не успел я появиться возле офисного здания, как мою машину окружила толпа журналистов, фотографов и прочих писак. Закрыв все двери, я стал набирать Олегу.

– Что здесь за цирк? Вызови охрану на улицу, я не могу выйти из машины.

Через минуту ко мне подбежали трое крепких ребят в форме и попытались растолкать собравшееся стадо. Кое-как вытиснулся из машины. На меня тут же обрушились со всех сторон каверзные вопросы вперемешку с фотоаппаратными щелчками.

– Артём Владимирович, прокомментируйте вашу позицию в отношении погибших детей.

– Чувствуете ли вы свою вину в этом?

– Как вы отреагировали на высказывания несчастной матери?

– Вас называли убийцей, согласны ли вы с таким жёстким высказыванием?

– Слышали ли вы о подобных случаях за границей? Случайность ли это?

Терпеливо промолчав и не дрогнув ни одним мускулом, мне удалось добраться до входа. Дав распоряжение закрыть все двери и никого не впускать, я поднялся к своему кабинету. Все нервно бегали кто куда, создавая ненормальную обстановку. Некоторые даже не соизволили поздороваться со мной. Закипая от бешенства, я заорал на весь этаж:

– Хватит! Чтобы я больше не видел никакой паники. Кому очень страшно, пусть идёт домой и сосёт соску. Здесь мне ещё бардака не хватало... И сделайте мне кто-нибудь кофе, наконец.

Громко хлопнув дверью, я прошёл к столу и тут же заметил несколько газет.

«Как современные онлайн-игры убивают человека».

«Виртуальная реальность или как не умереть во время игры».

«Трагический случай Егора Румянова заставляет задуматься...».

Можно подумать я кого-нибудь заставляю зависать перед компьютером и требую круглосуточного онлайн. Я всего лишь делаю своё дело и делаю его на отлично. А психи уже не моя забота, пусть об этом подумают наши благородные медики, профессора и психологи. Есть спрос, на который всегда рождается предложение. Так что моей вины здесь нет.

Мои мысли прервал зашедший Олег, неся в руках чашку с горячим кофе.

– Артём Владимирович, – шутливо произнёс он, – прошу вас, ваш кофе.

Неуместный приступ радости вызвал во мне еще большее раздражение.

– А где Лилька?

– Да она так напугана твоим злобным видом, что попросила меня занести твой кофе.

Нажав на громкую связь, я чётко выговорил:

– Лилия, зайдите ко мне.

В дверях тут же появилась перепуганная секретарша, с нервно бегающими красными глазами.

– Вы уволены. Можете собираться.

– Тём, ты...

Я лишь поднял руку, чтобы он замолчал и стал дожидаться реакции своей амёбной секретарши.

– Артём Владимирович, извините меня, прошу вас, – сразу очнулась она. – Я готова покаяться, что этого больше не повторится, – пошли уже в ход и слёзы.

– Мне не нужны сотрудники, которые бояться меня и тем более даже не соблаговолят здороваться, – хладнокровно произнёс я, усаживаясь за стол и поднося крепкий кофе к губам.

– Умоляю вас, – жалобно запищала она. – Я виновата, знаю. У меня просто сегодня всё из рук валится. Артём Владимирович, я только сегодня узнала, что... беременна. Извините, господа, прошу вас.

– Вот и поберегите своё здоровье, прощайте.

Вся в слезах, она тут же выбежала за дверь, оставив меня, наконец, со своими делами.

– По-моему, ты перегибаешь палку...

– Она никогда мне не нравилась, да и с её беременностью, все равно бы она тут не задержалась. И хватит ныть! – опять наступил я на грабли ярости. – Сейчас некогда распускать сопли и впадать в жалость. Меня никто не щадит. Дай опровержение репортёрам, что, мол, мы за психов не отвечаем и обязанность следить за подростками, целиком и полностью лежит на плечах их родителей. Всё. Оставь меня.

– Премия, – цинично сухо добавил Олег.

– Я помню. Зайди в бухгалтерию через час.

Он быстро испарился и, скорее всего, затаил обиду, но мне плевать. Близкими друзьями мы никогда с ним не были, а если ему вдруг показалось, что мы напарники, то это его проблемы. Он такой же подчинённый, как и все остальные.

Допив кофе, я уволил половину своей охраны, маркетолога и пару программистов. Затем, просматривая почту, мои глаза чуть не выпрыгнули из орбит, так как пришло несколько тысяч писем с разных стран. Большинство от фанатов, со словами поддержки и пожеланиями дальнейших успехов. Но попадались и такие, где вся компания, а в частности и я сам, покрывались ушатами помоев и ругани. В чём меня только не обвиняли: и что я коварный жлоб, наживающийся на невинных душах, убийца и подстрекатель-антисемит, и что министры по культуре и образованию должны меня чуть ли не расстрелять, за подобные игры.

Мне стало смешно. Как же всё-таки они глупы. Я уже давным-давно заслужил общественное уважение во многих странах, а им всё кажется, что если они выльют всю свою грязь на меня, то я сразу в панике испугаюсь. Да я уже и не сомневаюсь, что из всех этих писем нет и половины правды, всё подстава. Завистники не спят и проявили активность по полной. Это даже забавно... стоило только удвоить свой доход, как тут же выросли стены и разного рода прощелыги. Но ничего, чем труднее сейчас, тем сильнее я буду потом...

Неожиданно передо мной появилась... Мари. Сначала мне показалось, что она привидение, так как цвет её бледной кожи пугал и завораживал одновременно. Но через мгновение, я понял, что она очень даже реальна и видимо я так крепко задумался, что и не заметил её прихода.

– Здравствуй, дорогая, – сделал я подобие улыбки, больше из необходимости.

Мари стала медленно приближаться к столу, слегка неуверенным шагом. В её, явно заплаканных глазах, читался испуг и какая-то нервозность, но, в общем, она выглядела более чем привлекательно. Чёрное облегающее платье едва прикрывало стройные ножки, скользнув взглядом дальше к груди, я уже наверняка видел – платье, единственное, что разделяет её с миром. Острое желание обладать этим телом взяло верх надо мной, и я уже забыл обо всём, что я наговорил ей в субботу. В конце концов, плевать, если ей так хочется, то...

Обойдя мой стол, она вдруг опустилась передо мной на колени и, предвкушая всё самое интересное, я фактически был готов забыть о своей жалости к ней. Но Мари лишь уткнулась головой в мою коленку и судорожно затряслась, начав настоящую истерику.

– Я чуть не сошла с ума, вчера. Я звонила, приходила домой, писала смс, а в ответ только изнурительная тишина. Не могу так больше. Тёма, прошу тебя... позволь мне быть с тобой рядом. Я буду делать всё, что только прикажешь, всё, что угодно. Мне абсолютно безразлично, когда ты будешь возвращаться домой, и с кем будешь проводить свободное время. Если ты не хочешь детей, их никогда не будет, только позволь мне быть рядом, умоляю тебя.

– Мари, встань немедленно...

– Нет, – перебила она, – выслушай меня... Я просто не смогу жить без тебя, – захлебываясь от слёз, произнесла она, подняв на меня свои обезумевшие глаза. – Я люблю тебя, очень, очень сильно люблю и готова пойти на всё ради тебя.

Почувствовав резкий приступ тошноты, я вскочил со стула и попытался отойти от неё, но вцепившись в меня мёртвой хваткой, Мари лишь начала волочиться за мной словно жалкая собачонка.

– Я уже сказал тебе, мне не нужна ничья любовь, ты слышишь меня? – заорал я, совсем взбесившись. – Да, отцепись же ты!

– Нет! Умоляю, тебя, – воскликнула она, упав лицом на пол. – Я готова быть твоей вечной служанкой, только позволь быть с тобой. Тёма, я люблю тебя... люблю безумно.

– Не называй меня так, – с отвращением посмотрел я на её распростёртое тело, которое буквально несколько минут назад с такой же силой желал. – И не будь полной дурой. Хватит уже пресмыкаться. Мне не нужна твоя любовь и это заходит уже слишком далеко. Быстро встань и уходи. Завтра же, я найду тебе подходящего мужа. Совсем с катушек съехала, – шёпотом проговорил я, соображая, что с ней дальше делать и главное, как выпроводить отсюда.

– Я никогда не смогу жить с другим мужчиной, – спокойно ровно ответила Мари, медленно поднимаясь на ноги.

Обрадовавшись этой разительной перемене настроения, надо было как можно скорее пользоваться подходящей ситуацией.

– Как хочешь, – дружелюбно начал я, взяв её под руку, действуя другой тактикой. – Тогда, я отправлю тебя учиться в штаты, хочешь? Что если мы сделаем из тебя супер звезду, а? Мари у тебя есть совершенно всё, что нужно для этого, – заговаривал я её всяким бредом, лишь бы она только успокоилась и ушла домой. – Мы можем это обсудить вместе. Если не нравятся штаты, отправим тебя в Европу...

Заколебавшись, она сжала мою руку, прижимаясь ко мне всем телом.

– Хорошо, я поеду...

Облегчённо вздохнув, я стал подталкивать её к двери.

– Вот и умница! А сейчас давай домой и спать. У тебя слишком усталый вид...

– Я поеду с тобой, куда прикажешь, только с тобой, – как заведённая повторяла она, смотря на меня абсолютно стеклянными глазами. – Хочешь, я буду каждый день валяться у твоих ног, буду целовать их и вымаливать твоё присутствие? Милый, я готова на всё. Поедем домой? И я покажу, насколько я предана тебе и своей любви.

На секунду остановившись, чтобы заглянуть в её глаза, я понял, что она ничуть не шутит и говорит слишком искренне. Не рехнулась ли она вообще головой? Это же ненормально. Виртуальная жизнь вкупе с алкоголем и помешанной слежкой за моей потенцией сделали своё дело. Или же девочка начиталась дешёвых романов о розовых соплях, воздушных замках и всяких доблестных рыцарях собирающих носовые платочки. Хотя, не может ли это быть постановочным спектаклем?

– Мари, я же не могу просто взять и уйти с работы. Я первое лицо и должен присутствовать здесь каждый день. Давай, мы завтра обсудим с тобой, твоё большое путешествие за границу, – мило улыбнулся я, давая понять, что ей удалось выпросить желаемое и цирк пора заканчивать.

– Скажи, ты любишь меня? – громко воскликнула она.

От услышанных слов мои виски резко сдавило, и теперь любой жест с тупой болью отдавался где-то глубоко внутри. Мысли стали беспорядочно путаться и ярко показывать все минувшие события.

Чёрт бы их всех побрал с этой любовью! Почему каждый хочешь вызвать во мне жалость? Меня никто и никогда не жалел. Я приучен жить сам, без чьей бы то ни было помощи. А любовь придумали лентяи и нытики, чтобы прикрывать свою ничтожность якобы возвышенным чувством. Вот и Мари, лишь бы ничего не делать, а только охать и ахать от любви ко мне. Лицемерка! Хватит!

И больше нисколько не сомневаясь, что её поведение вызвано лишь жалкой попыткой удержать меня возле себя, я решил поставить жирную точку.

– Если я ещё раз увижу тебя на пороге этого здания или своего дома, я, не дрогнув вызову охрану и выпровожу твои длинные ноги за дверь, – повелительным тоном произнёс я. – Мне надоел этот цирк.

– Тёма, ты люб...

– Нет, я презираю эти слова, и не верю в подобную чепуху. Я понятно выговорил или повторить ещё раз?

– Ты не веришь мне? – с наивно детским взглядом спросила она и не став больше слушать весь этот непрекращающийся бред, я просто вытолкнул Мари за дверь и быстро заперся изнутри, всё ещё слыша её голос. – Тёма, я докажу, что люблю. Я докажу! – кажется, крикнула она на весь этаж. – Ты поверишь!

– Дура! – выкрикнул я вслух.

Лучше бы вытряхнула из меня денег, как это делают остальные, и жила бы себе припеваючи. Замуж ей, видите ли, захотелось. Да всем им нужны только мои деньги.

Захлестнувшая злость полностью поглотила меня, и я никак не мог отделаться от тошнотворного чувства отвращения буквально ко всему. Часы показывали только одиннадцать часов утра, однако по ощущениям я пережил почти целую неделю. Голова снова раскалывалась, не давая связно соображать. Настроение кидалось из стороны в сторону, от безудержной ярости до полного опустошения. Мне даже начало казаться, что лучше бы я воспользовался Мари в своих целях, и пусть бы она и дальше пресмыкалась, если ей это по вкусу, зато стряхнул бы всё накопившееся напряжение...

Ухмыльнувшись своим желаниям, я лишь быстрым рывком схватил телефон, и на ходу пролистывая список контактов, уже подходил к машине. Но не успел я отъехать с парковки, как моё внимание привлекла толпа журналистов, со всех ног бежавших с включёнными камерами. Любопытство взяло верх и, повернувшись в сторону, куда они направлялись, заметил на одном из балконов абсолютно голую девушку. Без всяких сомнений это – Мари. Она что-то выкрикнула и, не успев даже подумать над происходящим, я осознал случившееся лишь, когда её окружили в кольцо. Кто-то панически кричал, другие бегали и звали о помощи, журналисты тут же стали снимать репортаж...

Машинально переведя взгляд на дорогу, я мог думать только о том, как бы поскорее отсюда смыться, пока все они бегали вокруг её распростёртого тела и не заговорили обо мне.

Сорвавшись с места не разбирая разделительных полос и светофоров, я понёсся домой. Внутри не было ни жалости, ни боли, только тревожное ощущение навалившейся со всех сторон опасности. Жизнь решила поиграть со мной и проверить на прочность. Однако мне плевать, что ей там взбрело в голову, я хозяин своей судьбы и если на моём пути попадают исключительно психи, значит, я так и буду продолжать презирать их.

Не прошло и десяти минут, как на мой мобильник полетели десятки звонков. Но что я могу сказать им? Что глупая девочка слегка помешалась и хотела быть кем угодно лишь бы рядом со мной? И кто вообще мог предположить такой исход событий? Я и встречался-то с ней хорошо, если раз в месяц, а что она там накрутила в своей больной голове, это уже теперь никому неизвестно. Вот, дура!

Отключив разрывающийся телефон, мне хотелось поскорей оказаться дома и забыть весь этот сегодняшний кошмар. Виски снова сдавило, но на этот раз боль раскатилась до затылка и сосредоточилась именно там. Пронзало настолько сильно, что хотелось закрыть глаза. Кое-как добравшись до дома и выйдя из машины, я поднял глаза на свой балкон и тот неожиданно раздвоился. В это мгновение всё разом закружилось, и больше ничего не ощущая под ногами, я на одном автопилоте стал пытаться дойти до подъезда.

Хватаясь руками за стены, я изо всех сил старался не упасть. Едва добравшись до второго этажа, я остановился, не в силах вспомнить, где живу.

– Кажется, третий, – еле провернул я языком и, собрав всё оставшиеся силы, одним рывком добежал до своей двери.

Ноги подкосились сами собой и, сдавшись телу, уже ничего не соображая и видя перед собой одну черноту, я, наконец, почувствовал ровную поверхность...

Глава 4

Проведя почти весь день на улице, за исключением небольших перекусов, во время которых я заходила погреться в малоизвестные кафешки, я даже ни разу не замерзла. Впервые, за несколько долгих лет, мне никто не мешал и не указывал, что я должна делать, куда смотреть, говорить и идти. Передать, какое это фантастическое ощущение, крайне сложно, особенно когда большая часть населения предоставлена сама себе. Им и правда невозможно понять, что значит жить в богатстве и не знать элементарного человеческого счастья...

Я как ребёнок накупила себе мороженого и, не боясь грозных выговоров родителей, поглощала его прямо в пятнадцати градусный мороз, попутно осматривая окрестности нашего мегаполиса. Безусловно, я и раньше гуляла по Москве, но сегодня эта прогулка казалась особенной. Мне представилась возможность взглянуть на мир абсолютно другими глазами, освобождёнными от догм и несвободы.

Я всегда видела много людей, так спешащих куда-то или же влюблённых, которые если приглядеться повнимательней, где только не найдёшь, от столика кафе до сугроба ближайшего подъезда. В магазинах уже выстраиваются огромные очереди в преддверии нового года и, сделав покупку, люди выходят такие довольные и счастливые, улыбаясь тому предвкушению, когда они увидят радостные лица своих близких, преподнося им сюрприз, что ты невольно начинаешь сомневаться, а деньги ли правят этим миром?

Конечно – нет, и я это знаю. Да и всякий нормальный человек всегда понимает, что дороже искренней заботы, внимания и любви – ничего не существует. Да и вообще, любая искренность – неподкупна, это невозможно. Да, можно хорошо сыграть свою роль, но не более того, так как в душе всё равно будет бушевать целый ураган страстей.

Поймёт ли это когда-нибудь мой отец? Остаётся только надеяться, что мой побег приведёт его мысли в правильное направление и возможно он, наконец, осознает, что главное в жизни – не его доход и имидж, а сам человек...

Расплатившись с таксистом и выйдя из машины, я печально осмотрела высокий забор нашего участка и ужаснулась количеству камер, следивших за происходящим на улице. И для чего нужно такое богатство, от которого необходимо прятаться и постоянно жить в страхе, что с тобой должно что-то произойти? Не успела я подумать об этом подольше, как калитка отворилась и, вступив на территорию своего же дома, я уже перестала быть той свободной девочкой, которой была несколько минут назад...

Я снова остановилась и взглянула на наш четырёхэтажный дом. Подумать только, четыре этажа, несколько гаражей, открытый и закрытый бассейны, всё сверкает и кричит о своей дороговизне и кто здесь живёт? Отец, я, получеловек с именем Оскар, кухарка, она же горничная и три паренька в будке напротив, следящих за всем этим спектаклем. Не на секунду больше не сомневаясь, я окончательно и бесповоротно решила убежать отсюда; всё равно куда, всё равно как, просто уйти... навсегда.

Зайдя внутрь, я сразу окунулась в неприятный полумрак, напоминающий тени средневековых замков, где непременно должны водиться привидения. Картину дополнял отталкивающий спёртый запах курева и видимо алкоголя тоже. Но по отдалённым отвратительным смешкам Оскара, я могла не сомневаться, что если здесь и есть приведение, то только в его облиции.

Тихонько обойдя весь первый этаж и не найдя никаких признаков жизни, я медленно поднялась на второй. Моё внимание тут же привлекла полоска света из-за двери отцовского кабинета. Хохот противного карлика эхом раздавался по всему дому. Приложив глаз к небольшой приоткрытой щёлке, я увидела нечто неподдающееся никаким объяснениям.

Охамевший Оскар сидел на кожаном отцовском кресле, задрав свои недоразвитые ноги прямо на стол; во рту он держал его же сигары, а весь стол был просто завален кучей полу-

пустых бутылок от алкоголя. И, кажется, в руках у него металлические дроты, полёт которых, видимо, и доставляет тот неопишуемый восторг, который слышен из всех щелей этого дома. Переведя взгляд по направлению цели, я чуть не выкрикнула от ужаса. На другом конце комнаты сидела Мария Владимировна, державшая в руках деревянный круг мишени; в её глазах застыло безнадежное отчаяние, и просто отвернувшись, она безжизненно смотрела в одну точку.

Испытав внутри себя небывалое отвращение, как к этому человеку, так и к собственному отцу, я резко распахнула дверь.

– Пошёл вон, мерзавец! Мария Владимировна, долго вы ещё будете прислуживать этому уроду? Быстрее уходите в свою комнату, – разозлилась я и на неё.

Она встала и с нескрываемым чувством благодарности вышла из комнаты, оставив меня наедине с Оскаром.

– Алёнушка, дорогая моя, вы оставили меня без дела, – заплетаясь языком произнёс он, совершенно не меняя своей наглой позы. – Ка... кая вы, жестоко-сердечная.

Дабы не утруждать себя и парой слов, я подошла к тому самому стулу, где сидела Мария Владимировна и, схватив деревянную мишень, быстро добежала до карлика и огрела его прямо по голове. Ничего не понимая, он повертел головой в разные стороны и лишь затем, плашмя шлёпнулся на пол. От неожиданности я вскрикнула, так как рядом с ним почему-то лежал и мой отец.

В испуге я наклонилась, чтобы перевернуть его, но через секунду поняла, что он просто пьян и давно спит. Навернувшиеся слёзы досады и возможно всё ещё детской обиды, стали глушить во мне оставшиеся сомнения.

Нет – это решительно конец всего, хватит, мне надоело! Мой день рождения через полтора месяца, значит, в запасе у меня не так много времени, чтобы подготовиться. Я совершу самый настоящий побег, и пусть только попробует найти меня. Я скорее покончу с собой, чем вернусь в этот бедлам обратно. Никогда я не вернусь сюда, никогда...

– Никогда, – уже вслух добавила я и, отвернувшись от этой сладкой парочки, ушла в свою комнату.

Поначалу мне захотелось спуститься к Марии Владимировне, чтобы поговорить с ней по душам, но я выкинула из головы эту идею. Если она позволяет вести себя с ней подобным образом, значит, виной всему опять пресловутые деньги. Наверняка она скажет, что Сергей Борисович платит настолько щедро, что ей страшно даже подумать о другом месте работы, тем более ей уже всё привычно, ну, а Оскар это так, ну, с кем не бывает...

Уже лежа в своей постели, я никак не могла выкинуть из головы всю эту ситуацию. Что происходит с миром? Почему какие-то куски бумажек ставятся выше собственного достоинства, чести, любви, внимания, отношений и всех тех человеческих качеств, без которых нормальная жизнь в принципе невозможна? Для чего я родилась именно здесь, наблюдая за этим распутством?

Всё эти вопросы лихорадочно вспыхивали и не давали мне спокойно заснуть.

Стук в дверь буквально заставил меня подскочить в кровати.

– Алёна, ты здесь? Открой немедленно! – кричал мой отец.

Не понимая, к чему такая спешка, я всё же повиновалась и, подбежав к двери, открыла её.

– В чём дело?

– Ты дома? Ты здесь? Где ты была? Когда вернулась? – засыпал он меня вопросами. – А почему ты ещё не в университете?

– Потому что сейчас семь утра, – спокойно ответила я, проходя мимо него в ванную.

– Господи, – пошёл он за мной следом, – я так переволновался вчера. Я постоянно следил за тобой, что ты делала в дешёвых забегах?

Застыв с зубной щёткой в руках, я не могла поверить в услышанное. Но через мгновение стала винить саму себя; телефон же находился постоянно со мной.

Ничего ему не ответив, я навалила чересчур большое количество зубной пасты на щётку и усердно принялась начищать зубы. В конце концов, если я ему сейчас хоть что-то отвечу в своей манере, весь мой план пойдёт насмарку. Ведь теперь, я должна, почти полтора месяца, изображать из себя пай-девочку, так любящую отца. Но с другой стороны резкая перемена в поведении тоже может вызвать подозрения...

– Я же даю тебе достаточное количество наличных денег, чтобы ты ни в чём не нуждалась, да и все твои счета всегда открыты для тебя. Ты же знаешь, я никогда не против всяких шалостей.

Прополоскав рот, я уставилась на отца через зеркало, который всё это время стоял позади меня. Его вид, мягко говоря, был неподражаем; взъерошенные кверху волосы, щедро посыпанные пеплом, скорее всего тех самых кубинских сигар, которые выкуривал Оскар; белую рубашку украшали десятки коричневых капель, видимо, принадлежащих коньяку; а на лбу, прямо посередине, красовался хороший синяк.

– Я и вижу, – не удержалась я, – волнение было такой силы, что даже синяки выступили. Опомнившись, отец тут же развернулся, чтобы уйти.

– Подожди, мне надо с тобой поговорить.

– Алён, у меня ужасно болит голова, я сейчас никак не готов разговаривать. Я просто зашёл посмотреть, дома ты или нет.

– Это касается моего дня рождения.

Заколебавшись, он всё же взглянул на меня, но такими страдальческими глазами.

– Ну, хорошо. Дай только переодеться, я сейчас спущусь на кухню.

Молниеносно пришедший мне в голову план действий показался мне самым наивыгодным. Остаётся только заставить его поверить в искренность. Конечно, прибегать раньше ко лжи мне не приходилось, в силу того, что я верна своим принципам и никогда не пойду на обман. Но сейчас абсолютно другой случай и если не воспользоваться этим инструментом, я так и останусь прозябать свою жизнь, прикрываясь уже готовым сценарием.

Полностью подготовив себя к выходу на улицу, я спустилась на кухню. Мария Владимировна уже вовсю корпела над плитой, по запаху готовя омлет. Её выражение лица оставалось непроницательно спокойным, как будто бы она и не была вчера мишенью для садистских игр карлика. Он же напротив, впервые в жизни, сидел неподвижно, усердно попивая крепкий чай, иногда массируя себе, очевидно, разрывающуюся голову. Ощувив невероятный прилив уверенности, мне захотелось поиграть с ним.

– Оскар Аскольдович, – заговорила я в его манере, – вы уже принесли свои официальные извинения Марии Владимировне?

Карлик стал что-то бурчать себе под нос, не подавая никаких признаков реагирования. В этот момент на кухню зашёл отец, уже переодетый в новый выглаженный костюм. Правда, не особо умело замазанный синяк лучезарно восседал на своём месте.

– Мария Владимировна, дайте мне болеутоляющего, – упав на стул, скомандовал отец.

– После того, что натерпелась вчера эта несчастная женщина, ты мог бы и поздороваться для начала, – опять не удержалась я.

– А что случилось? – безразлично спросил он, осматривая всех троих по очереди, принимая от кухарки таблетку и стакан воды.

– Что случилось? – повторила я его слова. – Да ничего особенного; пока ты отсыпался под столом, Оскар, покуривая твои сигары и, кстати, сбрасывая на твою голову пепел, кидал железные дроты в Марию Владимировну.

Отец с Оскаром тут же принялись хихикать, словно маленькие дети.

– Тебе кажется это смешным? А если бы он попал ей в глаз? Да неважно, это унизительно! И я не хочу жить в доме, где так обращаются с людьми. Поэтому, если Оскар собирается и дальше здесь обитать, пусть сейчас же встанет перед ней на колени и вдобавок ко всему выплатит ей компенсацию морального ущерба, в размере ста тысяч рублей.

Последние слова, похоже, больше всего повергли наглого карлика в шок, и тут он заговорил в голос:

– Что за бесстыдная ложь? – вошёл он в своё сценическое амплуа. – Дротики вырезаны из редкой породы красного дерева, вы преднамеренно запутываете показания.

– Суть не меняется, на колени!

– Оскар, это правда? – обратился к нему отец, уже особо не улыбаясь.

– О, бесподобная вода, за что умы сынов своих ты забираешь? Ну, с кем не бывает, – смущенно закашлялся тот. – Мария Владимировна, душечка, вы ведь не в обиде?

Молчавшая всё это время Мария Владимировна лишь стыдливо опустила голову, создавая впечатление, будто виноват не сам Оскар, а именно она.

– А я говорю на колени и деньги на стол!

– Позвольте, сударыня! Откуда у столь безропотной особы такие несметные богатства? Вы меня с кем-то путаете, – безмятежно произнёс он, сползая со стула, и направляясь в сторону холодильника.

– Ну, правда, Оскар, – начал отец, – что тебе стоит встать на колени? К тому же Алёна права, вести себя подобным образом, некрасиво, да и не в твоих правилах. И денег не жалеи, ты мне в карты больше проигрываешь.

Слушая эту высокоинтеллектуальную беседу истинных интеллигентов, меня чуть не вырвало. Но как только Оскар достал из холодильника новый батон колбасы, он сверкнул в мою сторону ожесточённым полным глубокой ненависти взглядом. Затем, проделав не сложный маршрут до Марии Владимировны, он преклонился перед ней на одно колено, и, опёршись на батон колбасы, словно на меч, сделал из себя образ добропорядочного рыцаря.

– Несравненная, единственная наша Мария Владимировна, не изволите ли вы больше не держать на меня зла? Я полон искреннего сочувствия и готов за это поплатиться самым дорогим, что у меня есть, – и он протянул ей этот батон колбасы как бы в знак примирения.

Отец тут же засмеялся.

– Браво, Оскар! В тебе пропадает великий талант.

Скоморох тут же повернулся к нам лицом и принялся кланяться, изображая из себя вдохновлённого актера. А Мария Владимировна, кажется и вовсе забыла обо всём, смущённо улыбаясь, подавая горячий завтрак.

– Не считите за дерзость, но мне нужно отлучиться. Дела, дела...

Мария Владимировна полностью накрыв на стол, тоже удалилась, оставив нас с отцом наедине.

– Хорош, не правда ли? – довольно протянул отец, принимаясь поглощать омлет.

– А тебе не кажется, что ты слишком многое ему позволяешь? Кидаться дротиками в человека, это уже переходит всё границы.

– Не волнуйся, она получит за это хорошую премию. Я даже готов надбавить над той суммой, которую ты назначила.

– Да я не об этом, – перебила я его математические расчёты. – Я никак не могу понять, зачём он здесь? Кому и что ты хочешь доказать?

Тщательно пережевывая еду и запив её изрядным глотком воды, отец внимательно посмотрел на меня.

– Не знаю..., когда я увидел Оскара, мне стало жаль его. Это своего рода напоминание, что каждый может оказаться на его месте, что жизнь не идеальна, и мы должны считаться с её выходами.

– О, надо же, а я и не подозревала, что в твоей голове прячутся столь глубокие философские размышления, – с сарказмом выговорила я. – Только не думал ли ты над тем, что однажды он обчистит тебя с головы до ног? Ты вообще хоть раз видел его настоящее выражение глаз?

– Почему ты так ненавидишь его? По-моему, вполне безобидный ребёнок. И, кстати, он несколько раз подкидывал мне выигранные идеи по бизнес-плану.

– Бизнес-плану? – переспросила я, не веря своим ушам.

– Да, он отличный прогнозист. А ты бы видела, как он пьёт горячую водку, это потрясающе. У других бы давно глотку сплавило, а он хлещет её за обе щёки и даже не хмелеет.

– Действительно, – задумавшись, произнесла я, – выдающееся достижение.

В конце концов, плевать. Нравится ему этот мужлан? Пускай. Осталось не так много времени терпеть этот бред и я, наконец, начту жить так, как хочу.

– Так, что ты хотела сделать с днём рождения? – заинтересованно спросил отец, кажется, забыв о нашем вчерашнем разговоре.

– Я готова отпраздновать сей праздник в том самом торговом центре, но на одном условии...

– Каком? – напрягся отец.

– Ну, во-первых, – загнула я первый пальчик, – я хочу стать лицом одной элитной косметической компании. А то Светка, ну, Веденеева, всё уши мне прожужжала, что папа разрешил ей сняться нагишом в мужском журнале. Хочу её переплюнуть и замахнуться на куда более выгодное предложение. Пусть видит меня каждый день в телевизоре, на рекламных щитах, в магазинах, везде, – самодовольно усмехнулась я.

Весь сияя от восторга, отец, кажется, поверил.

– Согласен! – быстро отреагировал он. – Но есть и что-то ещё?

– По поводу подарка. Я долго думала и... – затянула я паузу, – хочу новый мотоцикл.

Слегка закашлявшись, отец всё-таки справился с первыми порывами эмоций.

– Алёна, может, ты забыла, но у тебя уже есть два мотоцикла, внедорожник, спорткар и куча другой мелкой техники. И когда ты, наконец, заинтересуешься куклами? То есть, шмотками, брюликами и парнями? – озабоченно спросил отец, успев посмотреть не только на меня, но и на часы. – Я подарил тебе столько драгоценностей, но ещё ни разу не видел их на тебе. Никаких каблучков, юбок, сумочек и прочей женской ерунды, ты видела себя сегодня в зеркале?

Проигнорировав последний вопрос, я постаралась воспроизвести всё имеющиеся актерские навыки, натянула такую заискивающую улыбку, что не поверить в неё не смог бы никто.

– Ну, пап! – капризно протянула я. – Железо – это единственное, от чего я млею и тащусь по-настоящему...

– У тебя это с детства, какая-то ненормальная тяга ко всему мужскому...

– Угу, – согласно кивнула я, отпив слишком горячего чая, – кроме самих мужчин.

Многозначительно взглянув на меня, отец потянулся за хлебом и стал щедро обмазывать его маслом. Я выжидающе следила, как он аккуратно орудует ножом, не пропуская ни одного миллиметра свободного пространства.

– Ты, знаешь, – спокойно заговорил он, – иногда мне всё-таки кажется, что у тебя кто-то есть и ты уже не...

– В каком смысле? – оторопела я.

– В прямом. Я столько раз знакомил тебя с подходящими кандидатурами, но ты... постоянно всех игнорируешь.

– Только не говори, что сейчас припомнил тех вульгарных выхлопов нефтегазовой промышленности, – брезгливо скривившись, прыснула я, продолжая увлекаться вкусным чаем.

– Ну, не все были так вульгарны, и ты вообще знаешь, сколько вложено в них труда и денег их родителями?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.